

Миана Кафи

КНИГА ВТОРАЯ

诡
核
盾

ПРОСВЕТ В ПУРПУРНОМ
ЛИСТОПАДЕ
ИЛИ
ПОД ЧЁРНЫМИ КОГТЯМИ
БЕЛОГО ТИГРА

Миана Кафи

**Просвет в пурпурном
листопаде, или под чёрными
когтями белого тигра**

«Автор»

2026

Кафи М.

Просвет в пурпурном листопаде, или под чёрными когтями белого тигра / М. Кафи — «Автор», 2026

Морена была счастлива. У Златы своя жизнь, Вэй рядом, Абрахас ворует печенье, краски пахнут сливой. А потом обрыв. Пустота. Морена открывает глаза в чужом лесу и ничего не помнит. Над ней суровое, но красивое лицо китайского воина. Будет ли Вэй искать её через миры? Найдёт ли? Вспомнит ли она его? Вспомнит ли она себя? Сможет ли вернуться домой? Вэй придётся завоевывать сердце возлюбленной заново. А Морене выбирать между воином, который готов за неё свернуть горы, и художником, который готов бесконечно ждать. "Просвет в пурпурном листопаде, или Под чёрными когтями белого тигра" Вторая книга цикла "К свету сквозь миры: Хроники Морены."

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Миана Кафи

Просвет в пурпурном листопаде, или под чёрными когтями белого тигра

Пролог

Солнце садилось за крыши, и последние лучи окрашивали всё в золотистые оттенки.

Морена сидела на подоконнике, поджав под себя ноги, и держала на коленях альбом с мыслями, что ещё никогда она не была настолько счастливой. Кисть из девяти ресниц дракона лежала рядом, но она не рисовала, а наблюдала, как Вэй расставляет чашки. Он делал это с такой сосредоточенностью, будто от положения каждой пиалы зависела судьба мира.

— Ты когда-нибудь просто поставишь чайник на стол? — спросила она.

— Никогда, — ответил Вэй, не оборачиваясь. — Это было бы неуважением к чаю.

— К чаю?

— К моменту.

Он повернулся, и в его руках был поднос, на котором стояли глиняный чайник, две пиалы и маленькое блюдо с печеньем. Всё это он поставил на подоконник между ними и Морена почувствовала знакомый травяной, чуть дымный запах.

— Печёный чай, — произнёс Вэй с загадочной улыбкой на губах. — Из той самой таверны.

— Ты серьёзно, ты сохранил его?

— Берег для особого случая.

— И какой же это случай? — Морена слегка наклонила голову, вглядываясь в его лицо.

Он посмотрел на неё и его голубые глаза сияли счастьем.

— Ты сидишь на подоконнике, — сказал он, с трепетной нежностью взяв её руку в свою.

— Смотришь на закат и не пытаешься быть кем-то другим. Этого достаточно.

Морена взяла пиалу и сделала глоток. Чай обжёг губы, но она не почувствовала этого, только вкус дыма и чего-то неуловимого, что напоминало об их первой встрече.

— Кар-р-р! — раздалось с карниза.

Оба обернулись.

Абрахас сидел на перилах, нахохлившись, и смотрел на них с выражением глубочайшего неодобрения. После возвращения из мира Вэя, он уже не скрывал своего умения говорить по-человечески. Белая кайма на крыльях тоже никуда не делась и ворон даже гордился этим.

— Вы тут чай распиваете, а я, между прочим, не ел с утра. И вообще, печенье моё.

— Печенье общее, — сказал Вэй.

— Для ворона — значит моё, — Абрахас спланировал на подоконник, ловко схватил печенье клювом и отступил на безопасное расстояние. — Кар-р-р. Не жадничайте.

Морена рассмеялась, Вэй покачал головой, но в уголках его глаз тоже зажглись смешинки. Она отставила пиалу и взяла кисть. Альбом всё ещё был открыт на чистом листе.

— Нарисуй меня, — попросил Вэй.

— Я и так рисую тебя каждый день.

— Нарисуй ещё раз.

Она посмотрела на него, на светлые волосы, которые отросли и теперь падали на лоб, на руки, на улыбку. Ту самую улыбку, краем губ, которую она запомнила навсегда. И начала рисовать, не глядя на лист, только на него. Вэй молча смотрел, как двигается её кисть, как появляются линии, как свет ложится на бумагу.

Абрахас доел печенье, отряхнул клюв и каркнул:

— Кар-р-р. Знаете, что я думаю?

— Что? — спросила Морена, не отрываясь от рисунка.

— Что вы оба невыносимы, но я привык. И даже, кажется, люблю вас. Только не говорите никому, у меня репутация.

Абрахас, слегка смущённый собственной откровенностью, перелетел на соседний выступ и принялся деловито чистить перья. Время от времени он поглядывал на портрет.

Морена закончила рисунок и повернула альбом к Вэю.

— Похож? — спросила она.

Вэй взял альбом и посмотрев долгим, внимательным взглядом ответил:

— Нет, лучше.

Он протянул руку, и она вложила свою в его ладонь. Пальцы переплелись так тесно, как иероглифы в её рисунках.

Солнце почти село. Небо над городом переливалось розовым, золотым, синим — всеми цветами, которые она когда-то рисовала в детстве.

Абрахас на карнизе выглядел спящим, но он всегда следил за всем, хотя-бы в пол-глаза.

На другой день, когда все разошлись по своим делам, только ворон увидел диковинную картину. Морена просто стояла со стаканом кофе на тротуаре, когда гигантский, лохматый пёс сорвался с поводка и ринулся к ней со всех ног, повалив прямо на асфальт. Ворон только и успел недовольно каркнуть, хотя на самом деле он не был так уж огорчён.

А потом — ничего.

Просто провал в памяти, как если бы кто-то вырвал страницы из середины книги.

Морена открыла глаза.

Глава 1

«Очнись!»

Прогрохотало эхом над самым её ухом, но словно бы из другой комнаты. Сознание постепенно возвращалось, как осколки разбитого зеркала, которые пытаются сложиться в одно целое, но никак не могут.

Морена узнала запахи, которые внезапно ударили в нос: сырая земля, гниющие листья, что-то металлическое.

Гул в ушах стихал, звуки становились отчетливее, она смогла различить чье-то дыхание рядом, шелест ткани..

— Живо! — голос низкий, жёсткий, с непривычной гортанной интонацией. Говорили на другом языке, но она понимала каждое слово.

Внезапная и жгучая боль от очередного звонкого удара заставила её открыть глаза. Взгляд медленно прояснялся. Она смогла разглядеть малиновые и фиолетовые пятна с золотыми бликами и успела подумать: «Где я? Это лес? Никогда раньше не видела ничего подобного». И тут же поняла, что она вообще не помнила какого-либо леса. На фоне плывущего акварелью мира возвышалась фигура прямо над ней.

Лицо, обрамленное длинными, тёмными волосами. Морена заметила: «Слишком красивое для того, кто только что отвесил мне с десятков пощечин. Это мой друг? Просто прохожий? Может неприятель?»

Он склонился так низко, что пряди волос упали на её лицо. Волосы были жёсткими и холодными.

В глаза сразу бросились его чёткие, острые скулы, переходящие в глубокие тени. В голове откуда-то всплыло: «Такие тени художники пишут часами, смешивая умбру и сиену, чтобы поймать этот переход от света к тьме.»

Прямой нос, с едва заметной горбинкой. Это был нос воина с древних свитков.

«Где я такие видела? Или рисовала сама?»

Мысль ускользнула, не успев родиться.

Наконец глаза, которые смотрели на неё в упор. Тёмные, как горький, крепкий чай, который заваривали слишком долго. Но не просто тёмные, в них был вертикальный зрачок, как у зверя, который затаился в высокой траве и ждёт. Морена хмыкнула про себя: «Такого не бывает у людей Или бывает?» Она не помнила. Волосы собраны в высокий хвост и перевязаны тёмным шнуром. Они были чёрными, с синим отливом, как вороново крыло. Несколько прядей выбились и падали на лоб, касаясь бровей. Морена вдруг поймала себя мысли, что хочет убрать их, её пальцы помнили, как это делается. Откуда?

На нём был тёмный ханьфу с серебряной вышивкой, подбитый чем-то плотным. Её взгляд задержался на вышивке: серебряные нити сплетались в узор, похожий на когти или на падающие звёзды. Она не могла понять, но хотела рассмотреть ближе. На поясе длинный, изогнутый меч, с рукоятью, обмотанной чёрной кожей.

Воин. Настоящий китайский воин, в незнакомом осеннем лесу. Как-то машинально её руки скользнули к своим волосам, где обычно карандаш удерживал пучок. Но карандаша не было и она просто приладила волосы, так и не поняв для чего это жест.

Мужчина, смотрел на неё так, будто решал оставить её или нет. Морена пыталась понять: «Но зачем он хлещет меня по щекам?»

— Ты меня слышишь? — он нахмурился и легонько — по сравнению с предыдущим — щёлкнул её по носу. — Живая?

— А — голос сел, она закашлялась. — Больно

— Хорошо. Значит, живая.

Он встал и выпрямился, теперь Морена увидела его в полный рост. Высокий настолько, что заслонил собой пол неба, широкие плечи, перетянутые кожаным доспехом, руки в наручах, испачканных чем-то тёмным. Возможно землёй или глиной. Отошёл на шаг и оглядел её так, будто оценивал добычу, или находку, или проблемы на свою голову.

Морена подумала, что хорошо было бы встать, и приподнялась на локтях. Голова ещё гудела, а ноги отказывались подниматься. Тогда она перевернулась на бок, устраиваясь поудобнее, чтобы лучше разглядеть всё вокруг. Под ладонями была сырая земля, папоротники, какие-то корни. Осенний лес окружал их со всех сторон. Листья деревьев отливали таким цветом, какого она прежде не встречала. Понастоящему фиолетовые, особенно по краям, с золотистыми прожилками, напоминающими узоры старинной чеканки.

Свет лениво сочился сквозь кроны косыми лучами — солнце явно клонилось к закату, окрашивая сцену в приглушённые вечерние тона. Воздух казался густым и прозрачным одновременно, а тишина леса лишь изредка нарушалась шорохом опавшей листвы. А запах. Она знает этот запах, но не помнит откуда. Тело помнит то, что стёр разум.

Она наконец смогла сесть и поняла, что ей холодно. Было не по-осеннему зябко и промозгло. Опустив взгляд и увидев лёгкую светлую рубашку и сливовые брюки из тонкого льна, Морена удивилась: «Слишком по-летнему».

— Встать можешь? — спросил воин. Без тени участия, просто уточнял готовность к следующему шагу.

Она попыталась вспомнить своё имя. Ничего. Она знала, что имя должно быть. Что оно есть, как сердце или дыхание. Но вместо имени пустота. Белый лист.

Будто кто-то взял и вырезал из неё середину. Оставил только рефлексy, привычки, злость, страх.

Она вдруг поняла, что не знает, как выглядит, боится ли темноты, любит ли дождь. Не уверена, смеётся ли она громко или тихо. И это было страшнее, чем лес. Страшнее, чем знакомый воин с мечом.

— Я не знаю, где я, — сказала она вслух. Голос прозвучал хрипло, то ли от холода, то ли от долгого молчания.

— Это заметно, — отозвался воин бесстрастно, без малейших эмоций в голосе. Он посмотрел на неё оценивающе, и добавил: — Но это сейчас неважно.

— Кто я? — спросила она просто вслух. — Кто вы?

Воин не ответил, он смотрел куда-то в сторону, прищурившись, и вдруг резко развернулся, положив руку на меч.

Морена проследила за его взглядом, но не увидела ничего кроме деревьев. Только густые тени между стволами.

— Нам нужно уходить, — сказал он тихо, уже не ей, а себе. — Быстро.

— Куда? — она снова попыталась встать, ноги ещё не слушались, колени подкашивались. — Я не

— Вопросы потом.

Он не протянул ей руку, только бросил короткий взгляд через плечо, от которого у неё мурашки пошли по коже.

Морена уже успела заметить, что это не самое людное место, а её одежда явно не соответствует погодным условиям, она не знает или не помнит, как ориентироваться в лесу и далеко ли до ближайшего поселения. Так же она понимала, что одна она и в лучшей своей форме не ушла бы далеко, поэтому не стоит терять этого мужчину из виду. Хоть он и не очень-то дружелюбный. По крайней мере, не прошёл мимо неё лежащей в траве без сознания и сейчас не проявляет признаков враждебности. Она встала сама, облокотившись на ствол ближайшего дерева.

— Идти можешь?

— Д-да...

— Тогда молчи и не отставай.

Он уже развернулся и пошёл вперёд, не оглядываясь.

Морена смотрела ему в спину всего секунду, и пошла следом, хотя ноги ещё были ватными, других вариантов не было.

Он уже шагнул в лес своей бесшумной и плавной походкой, похоже всю жизнь он только и делал, что растворялся в тенях. Морена сделала два шага за ним, споткнулась о корень, выругалась сквозь зубы и снова обратилась к воину:

— Послушайте

— Я сказал молча.

— Я могу узнать куда мы идём?

— К тропе.

— А что потом, куда ведёт тропа?

— Прочь из леса.

— А потом? — повторила Морена, чуть повысив голос, будто надеялась, что на этот раз получит развёрнутый ответ.

Он не ответил. Только чуть ускорил шаг и его фигура, окутанная сумраком леса, стала ещё более отстранённой и замкнутой. Морена сжала кулаки и резко остановилась, вынуждая его чуть замедлить шаг.

— А я не солдат, чтобы мне приказывали, — бросила она. Догнала его, хромя и злая, встала прямо перед ним преграждая путь. — Где мы? Кто вы? Почему я в летнем костюме посреди леса? И почему у вас меч? Что это вообще всё значит?

Воин устремил на неё тёмный, усталый взгляд, с лёгким оттенком «боги, за что мне это».

— Ты всегда такая?

— Не знаю, — честно сказала она. — Я вообще ничего не помню.

Он долго и оценивающе смотрел на неё. Скользнул взглядом по блёклым волосам, странным зеленоватым глазам, лёгкой рубашке, которая явно не греет. Было очевидно, что она не из его мира. Предположив, что её память могла стать платой за проход в его мир, он наконец-то сказал:

— Ладно. Два вопроса.

— Десять.

Что-то в его лице почти изменилось, едва уловимая тень эмоции скользнула по чертам и тут же исчезла. Почти, потому что он явно и умело не давал лицу меняться: мышцы мгновенно вернулись в прежнее бесстрастное состояние, взгляд снова стал отстранённым, будто никакой внутренней вспышки и не было. Никто и никогда не осмелился бы обращаться к нему таким образом.

— Два. Первый: тебя кто-то преследует?

— Откуда я знаю? Я только что очнулась!

— Второй: ты умеешь держать язык за зубами хотя бы минуту?

— А вы умеете отвечать на вопросы?

Он закрыл глаза, сделал медленный вдох, и снова открыл.

— Цзинь Чэнь, — сказал он сухо. — Моё имя. Ты в горах Юэлин. Лес опасен. Меч — потому что здесь водятся всякие сущности и существа, которые не любят, когда их рисуют.

Морена моргнула, причём тут вообще рисование.

— Почему рисуют?

— Потому что ты вся в краске, — воин осторожно коснулся пальцами её запястья, разглядывая разноцветные пятна на коже. — И пахнешь скипидаром. Художница, я угадал? Или ты просто разрисовала себя в беспамятстве?

— Это тоже не исключено.

Морена невольно опустила взгляд на свои мертвенно-бледные руки с едва заметными пятнами въевшейся краски. Она пошевелила пальцами, чтобы убедиться, что это её руки, а не чужие. Странное, щемящее чувство сдавило грудь: «Но почему они такие? И почему я не знаю, почему? Я всегда хожу с цветными руками?»

— Некоторые существа в этом лесу теряют или наоборот обретают силу, если их облик запечатлён. Они это знают. Художников здесь не любят.

Морена снова подняла глаза на воина. В груди шевельнулось что-то острое, похожее на жгучее любопытство.

— А вас они любят? — спросила она, чуть склонив голову.

— Меня они боятся, — ответил он без бахвальства, просто как констатацию факта. В его голосе не было ни гордости, ни угрозы — лишь холодная уверенность. — И это куда надёжнее любви.

Он отпустил её руку и снова пошёл вперёд, широкими шагами разрезая сумрак леса. Его ханьфу чуть колыхнулся на ходу, скрывая очертания меча за спиной.

— Идём. Через час стемнеет и идти станет невозможно. В темноте здесь не выживают даже дураки.

— А умные?

— Умные не теряют память в лесу, полном тигров, — бросил он через плечо. — Пошевеливайся.

Она пошла следом, стараясь не отставать. И — о чудо! — замолчала. Почти на минуту.

Морена удрученно обдумывала свое плачевное положение, вздыхая про себя: «И как такое могло со мной случиться?».

Они шли и лес вокруг менялся, становился гуще, темнее. Деревья росли всё ближе друг к другу, корни выползали на тропу, цеплялись за ноги. Морена спотыкалась каждые десять шагов, но не жаловалась. Она злилась. На него, на лес, на собственную слабость. И эта злость грела лучше любого плаща.

— Долго ещё? — выдохнула она, когда корень вцепился в её лодыжку в пятый раз.

— Пока не выйдем к тропе, — не оборачиваясь, бросил Цзинь Чэнь. — Или пока тигр не решит, что ты достаточно нахромалась, чтобы стать ужином.

— Вы всегда такой обаятельный?

— Выживаю. Обаяние — роскошь для тех, у кого есть дом и тёплая постель.

Она хотела ещё что-то сказать, но оступилась на мокром камне. Боль от шипов оборвала все слова. Она не упала: схватилась за дерево, замерла на мгновение, переждала приступ боли и отпустила опору. Нога едва держала.

Цзинь Чэнь остановился, но не обернулся, так и стоял спиной к ней, пока она не восстановила равновесие.

— Идёшь? — бросил он, не глядя.

— Иду, — ответила она сквозь зубы и сделал неуверенный шаг вперёд.

В этот момент Цзинь Чэнь вдруг насторожился, как зверь, который услышал шаги хищника. Она врезалась в его широкую, твёрдую спину. Он не обернулся, лишь сказал тихо, почти беззвучно:

— Слушай сюда. Я не нянька и не твой телохранитель. И я не собираюсь тащить тебя на себе, если сломаешь ногу.

— Я и не просила, — огрызнулась она шёпотом, потому что тоже поняла: «что-то не так.»

— Вот и хорошо.

Он двинулся дальше и неожиданно сбросил скорость. Теперь шёл медленнее, чем мог бы. На полшага. Всё ещё не глядя на неё.

Морена прикусила губу, чтобы не улыбнуться: «Не нянька. Ага, как же».

Она смотрела ему в спину и думала не о лесе, не о тяжести, что сгушалась над головой и заполняла пространство между деревьями. Она думала о том, что он мог бы уйти. Мог оставить её на мёрзлой земле и отправиться своей дорогой — это было бы логично. Она ему чужая. Похоже, она вообще не отсюда.

Но он не ушёл.

Морена оставила эти мысли при себе.

А над головой, будто следуя именно за ними, перелетал с ветки на ветку ворон. Он был не простым, с белой каймой на иссиня-чёрных крыльях. И всё это время не каркал, но мысленно ухмылялся.

— Что это за птица? — спросила Морена.

— Ворон, — ответил Цзинь Чэнь, не поднимая взгляда. — Он следует за тобой.

— За мной?

— Да, за тобой, — после короткой паузы подтвердил он. — И, похоже, не в первый раз — по его поведению заметно.

Морена посмотрела на ворона. Птица ответила ей взглядом: голова чуть наклонена набок, а глаза словно наделены нехарактерной для пернатых осмысленностью. Чтото в этом взгляде вновь коснулось затаённой глубины внутри неё, лишь легонько тронуло, будто кто-то постучал пальцем по запертой двери.

Они прошли ещё минут десять. Морена заметила это не сразу, сначала просто показалось, что в горле пересохло.

Лес темнел быстрее, чем она ожидала. То, что ещё минуту назад отливало пурпурным, царственным оттенком, теперь выцветло до серого, а следом почти до чёрного. Тени между стволами перестали быть просто тенями: они обрели объём и глубину, приобрели ту особую плотность, которая возникает не от самой темноты, а от того, что в ней таится.

Цзинь Чэнь замедлил шаг, совсем чуть-чуть. Рука невольно легла на рукоять меча, чтобы убедиться, что он под рукой.

Морена шла молча. Не потому, что ей нечего было сказать, просто лес вокруг переменился, и даже она, чужая в этих местах, отчётливо ощутила: сейчас лучше не нарушать тишину.

— Не дыши, — одними губами произнес воин.

Морена застыла, её грудь тяжело вздымалась, сердце колотилось очень быстро, но она не дышала.

Лес изменился окончательно.

Стало так тихо, что она услышала собственный пульс и чужое дыхание. Тяжёлое, где-то справа, в кустах папоротника.

Цзинь Чэнь тихо выдохнул, сквозь зубы.

— Встань за моей спиной, — сказал он. — И не двигайся. Что бы ни случилось — не двигайся.

Меч плавно, как змея из норы, вышел из ножен и лезвие блеснуло в сумерках.

В кустах, в десяти шагах, мелькнуло что-то светлое и огромное. Оно двигалось неторопливо, но не из осторожности, а словно подчёркивая, что спешить некуда. Белая шерсть почти светилась в темноте, неестественно ярко, совсем не так, как бывает у обычных зверей.

Тигр вышел из кустов и устремил взгляд на них. Он не скрывался, не пригибался к земле в ожидании прыжка — просто стоял и смотрел. В этом взгляде читалось чёткое послание: он здесь хозяин, и все должны это понимать.

Морена невольно сосредоточилась на его лапах. Когти казались неправдоподобно длинными, угольночёрными — настолько тёмными, что будто не принадлежали живому существу, а были вырезаны из самой ночи и вплавлены в тело зверя.

Сверху, с ветки, донёлся едва уловимый звук, скорее не звук, а его отголосок. Ворон втянул голову в плечи и безмолвствовал: сейчас точно не время для какихлибо знаков или шуток.

Морена бросила взгляд на меч Цзинь Чэня, лезвие тускло блеснуло, готовое к удару. Но тигр даже не моргнул, смотрел только на неё, будто воина с серебряной вышивкой здесь и вовсе не существовало.

— Ну, — почти беззвучно прошептала она, едва шевеля губами, — Добро пожаловать в никуда.

И тигр прыгнул.

Глава 2

Тигр прыгнул.

Это произошло так быстро, что Морена даже не успела понять, испугалась она или нет. Просто в следующее мгновение Цзинь Чэнь уже стоял между зверем и Мореной. Меч встретил удар с таким звоном, что воздух будто задрожал, а с ветвей, казалось, осыпались осколки тьмы, искры брызнули во все стороны.

Звук был противным, примерно как ногтями по стеклу, только громче в сто раз, что даже свело скулы.

Он отступил на шаг, потом ещё на один. Плечо дёрнулось, похоже меч тяжеловат для такого удара, даже для этого воина. Зверь приземлился ровно там, где только что стояла Морена. Неторопливо, почти небрежно, словно заранее знал исход схватки. Тигр медленно развернулся, давая им время осознать: он не гонится, он ждёт. Разница едва уловимая, но она была.

— Беги, — бросил Цзинь Чэнь, не оборачиваясь.

Она не побежала, но не потому что храбрая. Ноги просто не пошли, онемели, как чужие. А ещё этот взгляд, совсем не звериный. Тигр смотрел так, будто знал её. Будто ждал именно её.

И потом произошло невозможное, было похоже, что тигр усмехнулся.

Не рыкнул. Из его горла вылез хриплый, раскатистый звук, похожий на смех. Кто бы мог подумать, что тигры умеют смеяться.

Цзинь Чэнь атаковал первым. Правильно, незачем ждать. Меч пошёл по дуге, целя в бок, под рёбра. Тигр даже не дёрнулся. Просто принял удар на шкуру и клинок отскочил, как от камня. Воина отбросило на пару шагов, он приземлился на одно колено и выругался сквозь зубы.

— Крепкий, — сказал он. С уважением, что ли.

Морена не могла оторвать глаз от воина. В его движениях не было ни единого лишнего жеста. Каждый шаг был воплощением опыта, каждое перемещение отточенным и без каких-либо украшательств.

Тигр принял вызов с той же холодной собранностью: лапы почти не касались земли, светлая шерсть мелькала между деревьями. Зверь шагнул к воину. Раз. Два. Внезапно зверь развернулся, так резко, что Цзинь Чэнь не успел среагировать. Лапа с острыми чёрными когтями, устремилась не к нему, а в сторону Морены.

Та не успела даже вскрикнуть, потому что руки делали что-то сами. Она не помнила, как подняла с земли сухую ветку, как пальцы расщепили её кончик. Всё произошло слишком быстро, даже моргнуть ни успела бы.

Она взмахнула веткой и в воздухе вспыхнули тонкие линии, сливового оттенка, они складывались в незнакомые иероглифы, никогда прежде не виденные ею. По крайней мере, так ей казалось. Морена понятия не имела, почему её руки так чётко выводили эти символы, с уверенностью человека, который проделывал это тысячи раз. Знаки выстроились в черту между ней и зверем.

Тигр замер в миллиметре от преграды. Чёрные когти зависли в воздухе, слегка подрагивая, будто зверь натолкнулся на невидимую стену и не мог поверить в её существование. Жёлтые глаза скосились на Морену: в них не было ни ярости, ни голода. Возможно, любопытство. Или боль.

— Бежим! — Цзинь Чэнь схватил её за запястье и рванул в сторону с такой силой, что ветка выпала из пальцев. Она не стала спорить.

Иероглифы погасли.

За спиной раздался низкий, глубокий звук не похожий ни на рычание, ни на вой. Этот звук отдался тяжестью под рёбрами и остался там. Но тигр не бросился в погоню.

Всю дорогу Морена ощущала за спиной это молчание, оно звучало громче любой погони.

Они бежали, пока в груди не загорелось. Цзинь Чэнь тащил её за руку, не отпуская, сворачивал так резко, что она чуть не вывихнула плечо. Лес менялся под ногами: сначала папоротник и сплетение корней, потом голая земля с острыми камнями, цеплявшимися за подошвы. Затем начался склон, с которого Морена дважды едва не скатилась вниз: в первый раз она поскользнулась на россыпи гравия, во второй зацепилась ногой за выступ; оба раза Цзинь Чэнь удерживал её, крепко сжимая запястье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.